

Наталья Лазарева

НЕЛЕГАЛКА

2009 – 2010

Наталья Лазарева

Нелегалка. 2009—2010

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615610

ISBN 9785448364693

Аннотация

Ежегодно тысячи женщин покидают родные края, чтобы найти работу за границей. Русские, украинки, белоруски и представительницы других государств бывшего СССР, а также стран социалистического содружества устремляются в тёплые края, чтобы решить свои проблемы. Многие остаются в Италии навсегда. «Нелегалка» (2009—2010) – первая книга из цикла, рассказывающего о жизни наших соотечественниц в Италии, точнее – на Сицилии.

Содержание

Часть 1	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
Лететь нельзя остаться	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
Карты правду говорят	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
Итальянский транзит	22
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	31
Записки сумасшедшей	31
ГЛАВА ПЯТАЯ	37
Рынок труда	37
ГЛАВА ШЕСТАЯ	56
Русские сказки	56
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	74
Катания на выходной	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Нелегалка

2009—2010

Наталья Лазарева

*С благодарностью синьорам Марии и Лучо, Сан
Грегорио ди Катания. Светлой памяти синьоры
Розарии Папалардо.*

Некоторые имена и названия в тексте изменены.

© Наталья Лазарева, 2017

ISBN 978-5-4483-6469-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лететь нельзя остаться

Объявили начало посадки на рейс «Катания-Форли». Мужчины, женщины, дети, говорящие на итальянском, русском и английском, поднимались с кресел в зале ожидания, доставали билеты, надевали куртки.

До этой минуты Наталья упорно жалела отобранные после проверки ручной клади бутылки. Она никогда не летала, а Андреа что-то напутала, сказав, что бутылки, ножи и ножницы нельзя сдавать в багаж.

Невелика была потеря, но лучше было думать о ней, чем о том, что с минуты на минуту придётся подняться на борт.

Она всегда боялась летать. Дико боялась. Аэрофобия – кажется, так это называется. Боязнь эта не имела ничего общего со страхом высоты. Высоты Наталья не боялась. Ещё подростком, прячась от родителей, она курила на крыше многоэтажки, свесив ноги вниз, как с дворовой скамейки. А позже, уже будучи замужем, раскрасила фасад дома вокруг своих

окон на двенадцатом этаже. Она рисовала, сидя на подоконнике, спиной к улице, и только держалась рукой за раму. Зачем она это сделала? Хотела, чтобы её дети, гуляя во дворе, сразу видели свои окна.

Но самолёт... С детства её преследовал навязчивый сон. Она садится в самолёт, и он разбивается. Ни один из самолётов, в которые она садилась в снах, не дотянул до посадочной полосы.

Итальянцы и иностранцы проходили контроль и направлялись к автобусу.

Наталья заплакала бы, если бы это что-то изменило. Изменить ещё даже было можно. Она могла остаться. Может быть, по уму, и надо было остаться. В прошлом году её никто не звал в Италию. И никто не выгонял из России. Теперь в России её никто не ждёт. Зато Италия вложила в руки карт-бланш на проживание и трудоустройство. А она улетает...

Страшно, страшно, очень страшно... Самолёты – транспорт повышенной опасности. При авиакатастрофах не бывает уцелевших. В лучшем случае, люди погибают сразу.

Однажды она попала в ДТП, когда ехала в такси. Она не пристегнулась, и, когда автомобиль, резко затормозив, слегка поцеловал в зад поворачивающий на Ланскую трамвай, Наталья вмазалась лбом в ветровое стекло. Однажды она ехала в троллейбусе. Последний троллейбус, разогнавшись на пустом полуночном шоссе, тормознул так, что ед-

ва не перевернулся, когда перед ним, наперерез, пулей пролетел свихнувшийся пешеход. Наталья за секунду до этого встала с сиденья, собираясь пройти к выходу. Она не ожидала непредвиденной остановки и, по инерции, пролетела через весь салон, рухнула на колени и впилилась головой в перила у водительской кабины. С тех пор она всегда пристёгивается в машине, даже если проехать надо всего пару кварталов, и всегда старается сидеть в любом транспорте до полной его остановки.

Однажды она ехала в поезде. Тепловоз остановился на какой-то станции, не в начале, а на середине платформы. Через несколько минут по купе пошёл шум: под колёса бросилась женщина. Пассажиры повалили из вагонов посмотреть на происшествие. Наталья не сдвинулась с места, даже не пытаясь представить, что было на рельсах под локомотивом и головными вагонами. Она это уже не раз видела. В их пьяном посёлке такое случалось не единожды, часто первыми находили мертвецов детишки, по утрам спешащие в школу по рельсам, в соседний городок.

Однажды она попала в шторм на Ладоге. Катер швыряло во все стороны с такой силой, что через пятнадцать минут она потеряла сознание. Уже на берегу ей сказали, что шторм продолжался два часа. Господь милостив, для неё всё длилось четверть часа. А однажды она попала в шторм на пароме, когда тот шёл из Стокгольма в Турку. Там тоже было страшно, но не так. Во-первых, она умеет плавать. Во-вто-

рых, всегда есть люди, которые умеют плавать, если у тебя не будет сил. В-третьих, на судах имеются спасательные жилеты. В-четвёртых, рядом всегда найдётся другое судно, готовое принять потерпевших кораблекрушение.

А вот летать она не умела. И вряд ли этой способностью обладал кто-нибудь из других пассажиров и членов экипажа. Парашютов, насколько она знала, пассажирам тоже не выдавали.

Андреа и этим утром спрашивала, не передумала ли она, зачем улетать, если здесь всё складывается так удачно? Андреа и сейчас стояла за ограждением и выжидающе смотрела на неё. Джузеппе остался в машине. Наталья прикусила губу, скорее всхлипнула, чем вздохнула, и, прощально помахав рукой, шагнула из зала на улицу.

Абстрагироваться. Она никогда не летала. У самолёта может отвалиться крыло. Самолёт может свалиться в море. Самолёт могут захватить террористы. Может испортиться погода, и тогда они будут кружить над заметеленной Москвой (в Форли пересадка, до Москвы), пока не закончится топливо, и они не рухнут в лес под Домодедово.

Абстрагироваться!!!

Ей досталось место у окна, над крылом. Наталья села и сразу почувствовала такую слабость, что завалилась набок, прижавшись к стеклу щекой и, лишь бы чем-то занять мозги,

сказала себе: «Сейчас будет кино про землю с высоты птичьего полёта». Кино она любила. А этот сеанс – эксклюзивный, единственного показа, и только для тех, кто смотреть захочет.

Может быть, они разобьются, а, может, нет. Повода не смотреть в иллюминатор не нашлось.

Самолёт взлетел легко и также легко стал набирать высоту. Высота не чувствовалась. Вообще. Потом перестала ощущаться скорость. Кино показывали красивое, но в замедленном темпе. Она занялась угадыванием: вон, позади осталась Катания и пляжи; впереди, перед проливом – Мессина; а вон и Таормина – город, по земле которого она сделала свои первые на Сицилии шаги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Карты правду говорят

Прошлой зимой Наталье приснилось, что она собралась умирать. Пошла в магазин, присмотрела себе гроб, влезла в него, покрутилась, устраиваясь поудобнее. Вылезла, поправила белую атласную подушечку, разгладила рукой складки на обивке и начала прощаться с родными и знакомыми. Народ тянулся к гробу, как в Мавзолее, с той лишь разницей, что Наталья была живой и лично перемолвилась с каждым каким-то словечком. Каждый подошедший потом обнимал её и целовал троекратно, и отходил, уступив место следующему. Очередь иссякла. Наталья залезла на стол, окончательно уже расположилась в домовине, надела наушники и включила плеер. И тут прибежала запыхавшаяся дочка: «Мам, ты чего это?!» Наталья снова вылезла и, театрально поведя рукой в сторону стола, ответила: «Вот, доченька, жила я, не как хотела, так хоть умру, как мне хочется!»

Проснувшись, Наталья поняла вдруг, что, если она умрёт, хуже никому не станет. Только лучше. В первую очередь, потому, что тогда в их маленькой квартирке освободится целая, пусть небольшая, но комната.

Ещё она поняла, что жизнь прошла мимо.

В свои сорок восемь она мало куда съездила, и ни разу не была в настоящем отпуске. В сорок восемь лет у неё было трое детей, трое внуков, тридцать один год непрерывного рабочего стажа, обычный букет хронических заболеваний настоящего жителя мегаполиса: остеохондроз, гипотония, стресс, головные боли, сезонные простуды... Где-то далеко впереди маячила пенсия.

После сна в голове Натальи что-то щёлкнуло, она стала почаще смотреть на себя в зеркало, а так же всматриваться в лица ровесниц. Увиденное не радовало.

Хотелось жить и любить. Однако, после утренних встреч с зеркалом хотелось лечь и сдохнуть. Когда-то она свято верила в торжество коммунизма. Потом стала верить в семейные ценности. Потом тупо, по-коммунистически ударно пахала на благо своей семьи, чтобы быть её ценным членом. Её воспринимали как стахановку с вмонтированным перпетум-мобиле. А теперь механизм дал сбой. Запоздало, но всё-таки, Наталья вспомнила, что она устала. А через пару недель поняла, КАК она устала. И тогда она пошла к гадалке.

Впервые в жизни у неё возникло такое желание. Где найти реальную гадалку? Одна её подруга как-то обмолвилась, что дважды обращалась к какой-то предсказательнице. И у неё всё сбылось. Наталья позвонила подруге, но та неожиданно

пришла в ярость: «Гадать – грех! В 2012 году наступит Конец Света! Мы все ответим за свои грехи! Подумай о душе!» Такой вот пердимонюкль.

Были святки. На работе в столовой девчонки вели разговор о гаданиях. Наталья заявила, что все эти зеркала и свечи – ерунда, а вот сходить бы к настоящей гадалке!

В курилке к ней подошла Женя: «Записывай телефон, гадалка самая что ни на есть настоящая! Я трижды обращалась, всё получилось, как она говорила!»

Наталья позвонила сразу: «Здравствуйте! Хочу погадать!» – «Можете подойти после работы?» – «Могу» – «Договорились».

Её встретила симпатичная женщина лет сорока, представилась Татьяной, провела в комнату, зажгла свечу, достала колоду Таро: «Что хотите спросить?» – «Ничего» – «Ничего? Зачем пришли?» – «Просто так» – «Странно...» Наталья пожалала плечами.

Гадалка уточнила: «Странно, что Вы пришли» – «Почему?» – «Ко мне обычно приходят люди, которые желают чего-то и хотят знать, исполнится ли их желание. Вы можете хотеть чего угодно – Ваши желания всегда исполняются. Сами не замечали?» – «Замечала. Но дело в том, что я ничего не хочу».

Татьяна усмехнулась: «Я сейчас сделаю общий расклад. Посмотрим, что там у Вас».

Наталья поверила ей сразу же – гадалка говорила такие вещи о её прошлом и настоящем, которых не знал никто. И это были не общие фразы, а описание конкретных событий.

Затем гадалка приступила к предсказанию будущего и с каждой минутой удивлялась всё больше: «В первый раз такое вижу! Карты идут очень плохие, хуже быть не может. И, если бы вместо Вас здесь был кто-то другой, это означало бы катастрофы, беды и несчастья. Но вам среди всего выпадает карта, которая убирает все неприятности.

Вы собираетесь поехать за границу?» – „Да“ – „В Европу?“ – „Да“ – „Финляндия, Швеция?“ – „Да“ – „Вы не поедете, да Вам там и делать нечего. Я вижу Вас у моря, в тёплой стране, далеко.

Что у вас с работой?» – «Работаю» – «Кем?» – «Художником» – «Где?» – «В магазине» – «Вы не будете там работать» – «Ну, не буду и не буду» – «Вы не расстроились?» – «Нет» – «Кризис Вас не коснётся, так что не переживайте» – «Я не переживаю» – «А Вы знаете, что Вам вообще работать нельзя? У вас другое предназначение. Работая на кого-то, Вы зря тратите время» – «Так жить на что-то надо. Меня кормить некому» – «И, всё-таки...»

Наталья деликатно промолчала. В мире полно психов. (И, тем не менее, запланированная на февраль трёхдневная поездка в Швецию сорвалась в самый последний момент).

Татьяна прервала молчание посетительницы: «Сейчас погадаем на любовь» – «Не надо» – «Надо» – «Нет!» – «Почему?» – «Потому что любви нет» – «Есть. Сейчас увидите».

И вот тут она описала того, кого Наталья давно знала, но о ком никогда не думала, как о предмете своей страсти. Гадалка указала даже возраст и знак Зодиака.

Наталья никак не реагировала, она словно впала в транс. А гадалка мягко улыбнулась и сказала: «Вы же знаете, о ком я говорю. Это – Ваше счастье, подарок Вам. Идите и возьмите его!»

Через две недели какой-то механизм во Вселенной пришёл в движение – как иначе объяснить, что два абсолютно разных человека, при этом – не один год знакомых, не просто посмотрели, но и увидели друг друга по-новому?

Не спрашивайте, почему кто-то сходится на одну ночь, а кто-то – на всю жизнь. На всю жизнь они друг другу были не нужны, а одной ночи им, явно, было мало.

Они договорились, что не создадут друг другу проблем и расстанутся до лета. Летом к нему должна была приехать его любимая. Лето казалось таким далёким в том жарком январе...

Они много времени тратили на разговоры. Это казалось самым важным: рассказать, как они оба давно хотели того, что произошло. Они старались извлечь из этого странного романа максимальное удовольствие. В этом удовольствии растаяла зима и уже почти закончилась весна.

Весной Наталья осталась без работы.

Она могла бы и не увольняться, но не могла не уволиться.

В связи с кризисом, из продавца-оформителя подарков её перевели в пекари. Зарплата с Нового года заметно упала, цены выросли.

Руководство магазина уговаривало остаться, но она твердо решила найти работу с окладом тысяч в 20. Гадалка говорила, что ей надо поехать к тёплому морю, за границу. На такую поездку нужны были деньги. Можно отрицать гадалок и их предсказания, но Наталья помнила, что Татьяна сказала ей о прошлом – раз; о не получившейся поездке в Швецию – два; о любви – три; и о потере работы – четыре. Наталья не могла не уволиться хотя бы и потому, что работать пекарем ей было не по силам. Она могла работать много, долго, но – не физически тяжело.

Через неделю стало ясно, что двадцатку можно заработать кассиром, проводницей на поездах дальнего следования или горничной на теплоходах.

Но она не торопилась устраиваться на новую работу. Ей казалось, что впереди её ждёт что-то особенное. Она листала газеты, просматривала вакансии в Интернете, валялась на диване или шла гулять. И ждала.

От безделья записалась в массовку и ответилась в готовящемся к выпуску сериале в роли трупа. Там актрису убивали

по ходу фильма, но актриса оказалась суеверной и сниматься отказалась. А Наталья согласилась. Её нарядили в длинную синюю юбку, белую блузку, превратили затылок в кровавое месиво, уложили на лестницу в шикарном загородном коттедже и пять часов снимали дубль за дублем. Лежать было неудобно и больно. Скурившегося актера с жуткой одышкой, который, кажется, сто раз приседал возле неё, изображая дикий ужас, хотелось схватить за ногу и завизжать, для смеха. Наталья сдерживала идиотские порывы – дядьку было жалко, он умаялся мотаться вверх-вниз по широким ступенькам.

Перед дверью лежал второй труп. Ему повезло больше. Дело в том, что это был последний день съемок. Вернее, ночь. Пока шесть автобусов и фургонов колесили по городу и окрестностям, коллектив дружно отмечал это событие коньяком. Наталья не пила. А второй труп не отказывался. В результате он напился и уснул в заданной позе, растянувшись на животе и раскинув руки. Когда он начинал храпеть, его незло пинали, чтоб затих.

Проспавшийся к утру «покойник» радостно сфотографировался на память с «убиенной». Наталья сбросила фотки в контакт, позабавив друзей.

Еще из любопытства – для общего развития, пару раз съездила по объявлениям: «В элитный массажный салон требуются администраторы. Возраст от 40 лет, высшее образование, прописка в СПб».

В первом офисе, просторном, с видом на Невский, ей отказали сразу же. Холеная женщина, доброжелательно улыбаясь, сказала: «Я не представляю Вас, работающей администратором в массажном салоне». Наталья не стала спорить. Но именно такой отказ заставил её поехать по второму подобному объявлению. Там сказали то же самое, но, все-таки, направили на стажировку.

Элитный салон походил на благоустроенное общежитие. В большой квартире у залива постоянно проживали несколько иногородних девушек.

К вечеру в салоне собралось три претендентки на должность администратора и с десяток «массажисток». На общем фоне выгодно выделялась тоненькая негритяночка, маленькая и изящная, как дорогая куколка.

Девушки курили, чаевничали, делились впечатлениями. В 11 вечера приехало руководство. После собеседования Наталью вызвали в коридор и сказали: «Вы нам не подходите». Она разочарованно вздохнула: «Почему?» – «Без комментариев. Не подходите – и всё».

Не прошла фейс-контроль.

На другой день она купила «Вакансию» и наткнулась на объявление: «Трудоустройство в Италии».

Она поехала в агентство, посидела на семинаре и подписала договор, ни секунды не колеблясь. В этот день собирали группу на сентябрь. Пока суд да дело, выяснилось, что есть

место в автобусе, отправляющемся через 2 недели.

Она всегда мечтала пожить в другой стране. В Америке. Или в Греции.

Она была за границей и в этом году – в старой доброй Финляндии. Только ленивый не катается из Северной столицы в страну Суоми на шопинг или просто под настроение. Наталья каталась под настроение, бродила по берегу Саймы в Лаппеенранте, вздыхала у водопада Иматры, остро жалея все разбитые сердца в мире, отдыхала мозгами в Хамене. Хамена, с невысокими аккуратными домиками, неширокими улочками, засаженными высокими тополями, напоминала ей Гатчину, город детства. Сейчас в Гатчине мало чего осталось от детских впечатлений, разве что – в снах, а в действительности – разорённый Дворцовый парк, снесённые старые дома, вырубленные сирени... Кому это всё мешало?

Так что, загранпаспорт и виза у неё были в порядке, и она согласилась уехать через 14 дней.

Вечером написала об этом милому другу. Он ответил, что он в шоке. Он написал, что хочет, чтобы у неё ничего не получилось. Она написала, что это – нечестно. Она все равно хотела уехать, они все равно собирались расстаться – все идет по плану, она лишь чуть ускорила события. Он написал, что она, наверное, права, но он не хочет, чтобы она уезжала. Она написала, что хочет уехать, а он просто обязан пожелать ей удачи. Он написал, что желает удачи, но надеется, что она

останется. Она написала, что не останется, но вернётся. Он написал, что Италия – другая планета. Она написала... Он написал... Агония.

В агентстве Наталье дали ксерокопию брошюры «Итальянская кухня» и распечатку из 200, самых необходимых на первое время, слов и выражений, которые следовало срочно выучить.

По брошюре велели активно практиковаться, чтобы набить руку и проникнуться спецификой забугорной пищи.

Пачку грязно-серых страниц Наталья запихнула в чемодан, не прочитав ни строчки.

Учить тоже ничего не стала. Две недели прощалась с Питером, болталась по гостям, прокатилась в Финляндию и выпила столько водки, абсента, вина и пива, что испугалась, что в Италию приедет законченной алкоголичкой.

Друзья и подруги прощались с ней так, словно она умерла или была при смерти. Родным и близким о своём отъезде она ни словом не обмолвилась.

В назначенный день Наталья заявила в агентство, едва не опоздав. Кроме неё, в офисе сидели семь женщин, при огромных чемоданах и объемных сумках. Они что-то выясняли, озабоченно сравнивали словари и разговорники. Наталья блаженно улыбалась, даже не пытаясь отойти от сладких воспоминаний. Они с любимым сказали друг другу «До встречи!» всего лишь несколько часов назад. «До встре-

чи!», а не «Прощай!» – как планировали когда-то зимой. И это «До встречи!» выбило из её непутевой головы оставшиеся мозги.

Из грез в действительность вернул директор, заговорчески-строго объявивший, что женщины должны понимать, что жить и работать в Италии они будут нелегально. Наталье стало смешно. Нелегалка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Итальянский транзит

Отъезд назначили на десять вечера.

Наталья засела в Макдональдсе на площади Александра Невского и, перед тем, как купить поесть, подсчитала наличные: тысяча рублей и сорок евро. В агентстве говорили, что с собой надо иметь 50—60 евро, на первое время. Ну, значит, придётся поприжаться.

Для начала оказалось, что до Минска нелегалок повезут в микроавтобусе. Наталья, очень плохо переносящая поездки, проглотила таблетку от укачивания и устроилась на задних сиденьях.

Попутчицы завалили салон огромными сумками и вместительными чемоданами. Наталья поставила возле ног маленький чемоданчик и кинула под голову рюкзак. В агентстве говорили, что с собой ничего брать не надо – разве что пару смен белья да купальник. Ну, и какие-то продукты в дорогу. Чемоданчик был набит биг-ланчами и сладостями. Туда же поместился пакет с кое-какой одежкой. В рюкзаке лежали лекарства «на всякий случай», косметичка, туалетные принадлежности и фотоаппарат.

Её спутницы были знакомы между собой – они посещали семинары и курсы, двое изучали язык по 8 месяцев.

Женщины разбились на пары. К Наталье прицепилась заполошная хохлушка Леся, постоянно задающая одни и те же вопросы: «Как я выгляжу? Как, по-твоему, сколько мне лет? Скажи правду, ненавижу, когда мне врут: я толстая?»! Наталье очень хотелось стукнуть Лесю, вместо этого она заткнула уши берушами и отвернулась к окну.

Перенервничавшие путешественницы пытались устроиться на ночь, изголяясь, кто как мог. Над сиденьями торчали ноги, в проходе торчали ноги. С заднего сиденья салон напоминал фрагменты иллюстраций к Кама-Сутре.

Хуже всего пришлось двухметровой дылде Инке: головой она подпирала потолок мерседесика и, в конце концов, скорчилась в позе мальчика, вынимающего занозу. Инке не помешало бы лечь на пол, но она до этого не додумалась.

Наталья кое-как поладила с надоедливой Лесей. Женщины положили посередине сидений рюкзаки, улеглись голова к голове, ноги задрали на окна. Когда проснулись, Леся отодвинулась, а Наталья вытянулась на спине, находя некое удовольствие от не лучших дорог как России, так и Белоруссии. Машина тряслась и подпрыгивала, отдавая в затёкшую спину приятной вибрацией.

За всю ночь водитель остановился один раз, на заправке под Псковом. Наталья могла бы выйти и легко добраться до дачи, где обосновались её родители. Они бы обрадовались. Она представила лето в огороде... и поехала дальше.

Следующая остановка была в Витебске, где подобрали еще двоих пассажиров.

Наталья решила размяться. На площади перед железнодорожным вокзалом цвели каштаны и сирень. А в Питере только распустилась черемуха.

Надписи на транспорте и магазинах были на русском языке, если и попадалась вывеска «АПТЭКА», это выглядело даже странно. Говорили все тоже по-русски.

Российские рубли нигде не принимали. Наталья нашла обменник, разменяла деньги, сходила в туалет: совершенно ужасный, в подвале, с незакрывающимися низкими железными дверцами, выкрашенными в мерзкий синюшный цвет. Вместо унитазов – дырки в зацементированном полу.

В кафе купила бутылку кока-колы. Стоящий за ней мужик попросил пива. Продавщица строго сказала: «Пиво до 8 утра не отпускается!» За столиками сидели работяги в изгвазданных робах и накачивались водкой. Им никто не мешал.

Часы перевели на час назад. Попутчицы экономили деньги, надеясь отлить где-нибудь в лесополосе. Водитель пресек все просьбы: «Беларусь – это почти Европа! У нас везде чисто!»

Действительно, чистота бросалась в глаза. Мусора не было даже вдоль дорог. Многочисленные братские могилы, памятники Великой Отечественной войне, а также по не понятной причине не снесенные памятники времен советской власти были облагорожены клумбами.

На выезде из Витебска, на газоне лукойловской заправки мирно паслась рыжая лошадь. Мимо прогрохотал красно-желтый трамвай, с закругленными углами, выпущенный на рельсы не позже 60-х годов прошлого века. По радио объявили: «И о погоде в столице: в Минске +10, дождь». Наталья не сразу сообразила, что это за столица.

В Минске устроились в зале ожидания автовокзала. Вещи в камеру хранения сдавать не стали.

Автобус, предназначенный для перевозки нелегальной рабочей силы в далекую Италию, был комфортабельным и, вместе с питерскими путешественницами, принял толпу москвичек, украинок и белорусок.

Наталья провозилась с багажом и, поднявшись в салон, наткнулась на включенную Лесю, ругавшуюся с дылдой. Увидев соседку, дивчина взвыла: «Я заняла места перед дверью, а эта... эта...! Она меня выгнала!» Леся лезла в драку, Наталья пнула ее под зад, придав направление к последним сидениям, на которые пока никто не претендовал, приказала бестолковой девке положить рядом сумку и плащ и отвечать всем входящим «Занято!».

Таким образом, двое суток, в течение которых остальные пассажирки крутились в креслах, они с Лесей то по очереди, то улегшись валетом, блаженствовали на пяти широких сиденьях, отвергнув все попытки долговязой дуры извиниться и поменяться местами.

В автобусе все сразу уснули. Разбудили в Бресте. Остановка. Тепло, красиво. Наталья с изумлением поняла, что здесь нет белых ночей. Ночь была черной, бархатной, воздух такой густой, что его ощущаешь кожей как воду, когдаходишь в озеро после грозы. И звёздно.

На белорусско-польской границе первый и единственный раз проверили паспорта. Багаж не досматривали. Вопросов не задавали.

Время перевели еще на час назад. В Польше – полчаса после полуночи. Европейское время.

Утро выдалось пасмурным и душным. Польский пейзаж не отличался от российского, разве что чистотой. Деревья – сосны и берёзы – были кривыми и косыми, словно росли здесь не по климату, как хрущовская кукуруза на советских нивах. Редкие дома находились вдалеке от дорог, а не так, чтобы калитки открывались чуть ли не на шоссе. Вдоль трассы – поля, ярко цветущие чем-то желтым.

Водители, не скрывая презрительных взглядов в сторону пассажиров, грубо объявили: в салоне есть нельзя, горячую воду можно получить лишь на остановке (залить чай,

кофе, пюре или макароны). Наталья пропустила запреты мимо ушей. На задних сиденьях было удобно не только лежать, но и есть – никто не видел. Она всю дорогу грызла шоколад, печенье и сухофрукты с орешками. Когда на остановках водилы расслаблялись в кафе, она открывала кулер и наливала себе кипятка для кофе.

16 мая проснулась в два часа дня от бьющего в глаза солнца. За окном все те же сосны и березы и... надписи на указателях на немецком языке.

Мимо промчался мотоциклист в форме, что на ней написано, прочитать не успела, но немецкий! С каким-то нарушителем разбирались стражи порядка.

По ходу, на родине одной из ветвей её предков, дождя не было, лес сухой, дорога от солнца такая бледно-серая, что почти белая.

В пути все очень много спали. Наталья высказала предположение, что через кондиционеры в салоне распыляют снотворное. Все переполошились. Наталья смотрела на попутчиц и дивилась: Они все ненормальные? Подумали б о том хотя бы, что водители не спят и едут без противоголовок!

Дороги Германии восхищали. Даже ответвления от автобана, уходящие в сторону небольших, на несколько десятков домов, населенных пунктов, были при обязательных светофорах и пешеходных переходах.

Затем начался космический пейзаж: в несколько раз вы-

ше опор высоковольтки, до самого горизонта, выстроились ветряные мельницы, медленно вращающие трехлопастными пропеллерами. Жилые домики вокруг выглядели спичечными коробками. Пушистые, белоснежные облака висели по всему небу. Между гигантских мельниц имелась и обычная, старинная, с четырьмя деревянными крыльями, но она не работала – может, музей или памятник.

Ляйпцих удивлял. Что-то в немцах есть хулиганистое. Везде стены и окна расписаны и разрисованы граффити, часто весьма неприличными. Это никого не трогает – иначе их давно закрасили бы.

В городе много велосипедистов. Газоны нестрижены, и – невероятно! – мусор на тротуарах!

Размеченные велосипедные дорожки и трава, растущая между булыжников на пыльных мостовых, белые лебеди в пруду городского парка, и сам парк – запущенные дебри, где деревья до макушек увиты какими-то плющами так, что не видно стволов.

У аккуратистов-фрицев, впрочем, наблюдался порядок, но без фанатизма.

В автобусе включили видеофильм, врубив звук на полную мощность. Народ общался – тоже громко. Наталья заткнула уши и закрыла глаза. Здоровый сон – верный признак чистой совести. И, как гласит народная мудрость, – совесть чиста, если ею не пользоваться.

В агентстве обещали, что на остановках можно принимать душ. Душевые на стоянках имелись, но времени было так мало, что в них никто не заходил.

Наталья взяла с собой две упаковки влажных детских салфеток. Детских, потому что только они продаются по сто штук, потому что они большие и, действительно, влажные. Если изобретатель таких салфеток еще жив, он попадет исключительно в рай.

Еще она захватила дюжину пар носков и меняла их утром и вечером, обтирая ступни салфетками. Те же салфетки фактически стали заменителем душа.

В первом же немецком туалете Леся переполошила попутчиц. Когда автобус затормозил на заправке, Наталья побежала к кабинкам ватерклозета первой. За ней неотвязно неслась Леся. Кабинок было две. Соседки быстро заняли их, остальные женщины выстроились в очередь. Не успела Наталья устроиться на сиденье, как послышался шум сливаемой воды, и Леся заорала, колотя в перегородку: «Наташа! Я унитаз сломала! Вода течёт и не останавливается! Я не виновата! Я ничего не делала! Что теперь будет?!» Леся выскочила из кабинки и дёргала дверцу той, в которой заперлась Наталья: «Открой! Я боюсь! Меня арестуют!!!» Пришлось выйти и объяснить очумевшей от неведомой цивилизации девице, что вода слив работает автоматически.

Чтобы как-то коротать время, Наталья начала писать письмо любимому, бесконечно-длинное письмо, десятки

и сотни страниц признаний в любви, воспоминаний, и описаний своего путешествия.

Потом она пошлёт ему несколько писем, но... Письма интересно писать, когда на них приходят ответы. А он не отвечал. Безответные письма, как безответная любовь, – это же ерунда какая-то!

Безответные письма первоначально трансформировались в безнадежные письма, потом – в неотправленные письма, и потом – в дневник. Наталья купила толстую тетрадь в клеточку, в твёрдом переплёте, подписала аккуратно, как прилежная школьница, на первой странице вывела: «Нелегалка. Записки сумасшедшей» и поставила дату отъезда из России: 14.05.09.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Записки сумасшедшей

Мы ехали и ехали по Германии. Я то засыпала, то просыпалась. Великанские ветряки сменили бесконечные, скрывающие горизонт, холмы.

Облака скользили по небу, а их тени образовывали на лесах и полях причудливую маскировочную сетку, сквозь которую вдруг цветными пятнами проглядывали деревни, вспыхивали шпили на церквушках.

Нюрнберг. Залатанный асфальт, подстриженные через раз газоны, расписанные хулиганами стены, старинные башни, церкви, мелкий мусор на улицах, велосипедисты, светофоры для велосипедистов. Негры, китайцы, евреи, индусы на улицах – Гитлер застрелился бы, не начав войны, если бы у него была машина времени.

Все это время мы с любимым перебрасывались смсками. Под Мюнхеном он прислал очередную, заканчивающуюся бодрим: «Гитлер капут!» Я не ответила. На телефоне закончились деньги.

В 2 часа ночи 17 мая мы проснулись на остановке в Италии. Север страны. Соловей поет так же, как в Германии, как в Польше, в Белоруссии, на Псковщине, в Питере... Соловей поет так же, как пел в Кронштадте, в нашу последнюю ночь. Было холодно и ветрено. Трава под окнами колыхалась изумрудным ковром. Дым от сигарет влетал в комнату вместе с пеплом. И соловей не умолкал ни на минуту.

Милан встретил свежестью и туманом, расписанными граффитистами заборами (ничего оригинального), замусоренными газонами. Из окон, как в кино, свешивалось сохнувшее белье.

Солнце зажглось как красный светофор. На трассе авария: машина, лежащая на крыше, полиция, скорая помощь, пожарные – на шоссе что-то горело. Может быть, шофер уснул за рулем – дорога на рассвете пустая и утомительно скучная.

Туман уплотнялся, прибываясь к земле, стирая все цвета. Но где-то в вышине разъяснялось. Сначала солнце поменяло цвет на оранжевый, затем засияло нестерпимым золотом. В бледно-голубом небе висел сверкающий диск, но, кроме него и белой стены тумана, не было видно ничего.

В Болонье жарко и душно. А нам до юга еще пилить и пилить.

Едем дальше. Проезжаем какие-то селения. Нестриженные газоны. Красные маки по обочинам. Мусор. Виноград-

ники. Горы.

Горы!!! Горы – такая красота! Я никогда не была в горах. Попутчицы учили язык. Я влипла в окно и забила на всё, кроме восприятия мира исключительно визуально.

Автобус ехал по горам, по мостам и тоннелям, выныривая из темноты в красоту.

Народ учит артикли. Я хочу в горы.

Тоннель сменялся тоннелем, мне все происходящее дико нравилось. Горы везде, их вершины исчезают в небесной дымке.

Мы проезжали над лесами, над ущельями, под нами неслись поезда, в одной из деревень звонил колокол. На дороге – предупреждающие знаки с оленями. Боже, здесь есть олени!

Слева над нами, на горе возник старинный замок, справа под нами раскинулся огромный и прекрасный мир.

Моя голова переполнилась впечатлениями. Через два часа я сдаюсь. Если я буду смотреть это дальше, я умру. Мне знаком синдром Стендаля. Надо постараться уснуть.

На грязном газоне на въезде в Рим развалился толстый бомж.

Автобус остановился у вокзала. Меня и еще шестерых женщин высадили. Одну забрали почти сразу – ее трудоустроивали в Риме. Леся ехала в Неаполь. Я помахала ей ру-

кой и спросила у попутчиц: «А когда нас заберут?» На меня уставились как на ненормальную: «Куда заберут?» – «Ну, вот одну женщину уже отправили к хозяевам. А нас – когда?» Рая хмыкнула: «Ты вообще куда едешь?» – «В Италию» – «В Италию – куда?» – «Я думала, в Рим...» Женщины расхохотались: «Во, даёт! Нас везут на Сицилию! Поезд вечером».

Я обалдела от внезапной информации. Сицилия?! Как-то непонятно, хорошо это или плохо. Сицилия. Остров, насколько я помню из уроков географии. Вулкан Этна. Действующий, между прочим. Что-то там с греками и римлянами связано. Ах, да, ещё аргонавты. В голове зазвучало: «Арго, о каких потерях плачет птица встречная? Парус над тобой, поднятый судьбой, это – флаг разлуки, странствий знамя вечное...» И Гарибальди. Красные рубашки. В детских мечтах я мужественно сражалась в их рядах. Круто. Сицилия, говорите? Пусть будет Сицилия!

В Риме была не жара – пекло. Я сразу же переобулась в тапки, кроссовки убрала в чемодан. Первым делом разыскала туалет. Служащий, взглянув на мою измученную физиономию, денег за вход не взял, хоть я протянула ему монету. Он замахал руками и ткнул в сторону женских кабинок. Я пробормотала: «Grazie» и заперлась в ближайшей.

Переодевшись, повеселела. За дни пути у меня скопился пакет стирки, оставалось лишь поражаться на попутчиц,

из Питера едущих в одной и той же одежде.

Наша группа резко разбилась. Две пары свалили в город. На вокзале остались я и дылда Инка. Сначала я порывалась спуститься в метро, но перекусив в пиццерии, поняла, что у меня болит голова. Мы ехали уже трое суток. Я вообще плохо переношу автотранспорт. Твердая почва под ногами и тридцатиградусная жара нарушили равновесие под черепной коробкой. Я наглоталась нурофена и устроилась на скамейке, среди пакетов и чемоданов.

К шести наши попутчицы вернулись, не найдя ни памятников, ни достопримечательностей. Я утешила их: Рим никуда не денется!

В ожидании поезда наступило время откровений: кто за чем и почему отправился в Италию.

Дылда, кипя ненавистью, поведала, что развелась с мужем, которого любила всю жизнь. И что она решила изменить свою судьбу.

Свежевыкрашенная в рыжий цвет Рая сказала, что ее бросил давно и горячо любимый мужчина – нашел молоденькую. И что она хочет выйти здесь замуж, все равно за кого.

Миловидная Света призналась, что её любимый женился на другой, потому что та забеременела. И что он хотел продолжать встречаться, но Света решила, что ей такие отношения не нужны.

Укатившая в Неаполь Леся тоже жаловалась мне на своего

любовника, из-за которого она покинула ридну Украину.

Остальные своих тайн не выдали. Смолчала и я, сделав утешительный вывод: не одна я у мамы дурочка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рынок труда

Поезд на Сицилию прибывал в 20.11. На табло в зале ожидания высветился номер платформы – 25. Мы подхватили поклажу и спустились в подземный переход.

В 20.06. объявили, что поезд прибывает на 5-ю платформу. Толпа ожидающих ринулась в переход, вниз, вперед, наверх.

Мы вбились в 6-местное купе. Маленькое, тесное. Сиденья выдвигались, но так еще теснее. К утру кое-кто из девчонок переместились в соседние пустые купе.

В 9 вечера в вагоне отключили свет, и неожиданно оказалось, что в Италии уже ночь.

Горы ночью были не менее прекрасны. Черными, плавными, невероятно эротичными линиями они четко выделялись на фоне неба и от подножий светились огнями домов и автострад. Огни мерцали, переливались, а справа началось море – тысячи огней отражались и раскачивались на воде.

Итальянцы в соседних купе пели, кричали, кто-то насвистывал красивую мелодию. Что-то знакомое... Я прислушалась: «Как ярко светит после бури солнце»! Экспресс несся

быстро, вагоны содрогались и грохотали так, что уши закладывало. Хорошо, что я взяла с собой беруши.

Потом поезд въехал в трюм огромного парома.
Проснулись уже на Сицилии. Горы, тоннели, море...

Так же, как и в Риме, повсюду росли апельсины, или мандарины? Крупные оранжевые плоды украшали деревья так необычно—празднично, что мои вынужденные подруги подумали, что деревья – искусственные. Я похихикала над их домыслами: кому надо расставлять вдоль побережья сотни искусственных деревьев?

В 10 утра вышли в Таормине. Старинный красивый вокзал, на платформе – пальмы и кактусы в кадках, и столетней давности краны для подачи воды в паровозы. Горы. Море.

Через полчаса за нами приехала машина. Мы думали, что в легковушке нас повезут на место в два приема. Пожилой итальянец засунул в автомобиль всех, вместе с багажом. Нам было уже все равно.

Я заняла переднее сиденье и молча восхищалась возникшей перед глазами Этной – широкая заснеженная вершина, окутанная как специально нарисованным облаком. Итальянский транзит продолжался пятый день.

Через 25 минут нас высадили в маленьком городке, на площади, перед 4-х этажным домом, напротив церкви.

В прихожей здешняя хозяйка агентства, Ольга, выстроила всех в ряд и спросила наши имена и профессии. Я ответила первой: «Наталья. Художник».

Мои спутницы блистали: администраторы, менеджеры, руководители чего-то где-то там, и могут то-то и то-то.

Хозяйка дала выговориться всем и объявила: «А теперь – забудьте! Вы здесь – люди третьего сорта. Вы приехали, и таких работников полна Италия. Здесь пашет вся Россия, а также Белоруссия, Украина и бывший соцлагерь: поляки, словаки, болгары, югославы и прочие.

У вас нет разрешения на работу, у вас через несколько дней закончатся визы.

Паспортов с собой не носить!!! Только ксерокопии! Никогда и никому ничего о себе не рассказывать! Если вас остановит полиция, говорите, что вы в гостях.

Определитесь в семьях – надрывать не советую, с лечением возникнут трудности. Заботьтесь о своем здоровье сами. Кто будет совсем помирать, дорога одна – на самолет, и в Россию!

Улететь можете в любой момент, вас тут никто держать не станет. Но! Запомните: лететь исключительно прямыми рейсами, никаких пересадок! И не дай бог по какой-либо причине приземлиться в Германии! Немецкая тюрьма вам будет обеспечена сразу и запомнится надолго.

И теперь – что у вас с языком?»

Я снова ответила первой: «Языка не знаю».

Ольга что-то помечала у себя в блокноте. Напоследок выдала: «Если кто решит поразить итальянцев знаниями по истории... Ну-ка, вспоминаем школьную программу: кто здесь был тираном?» Я ляпнула (куда деваться, девочка-отличница): «Муссолини!» – «Так вот, Муссолини – народный герой! Лучше считайте, что вы о нем никогда не слышали!»

После такого вступления с нас собрали по 5 евро на телефонные карточки, чтобы мы могли позвонить домой и сообщить родным, что все в порядке. Затем нас отправили на третий этаж, принимать душ, обедать и приводить себя в порядок.

На третьем этаже в многофункциональной комнате стояли три кровати – две односпальные и одна широченная, с тремя подушками. Я сразу оккупировала односпальную.

Первой в душ отправилась Саша. Она приехала на заранее обговоренное место, и ее могли забрать в любую минуту. Второй в душ полезла я.

Едва намылась и переоделась, нас вызвали вниз. Все переполошились. Я потопала вперед.

Внизу бесновалась откормленная тетка. Хозяйка перевела, что у тётки двое стариков, бабуля со сломанной ногой, всё

плохо. Платит синьора лишь 500 евро (это – плата по уходу за одним человеком), при этом требует отличного знания языка.

Дылда подняла руку: «Я согласна!» Но даже те, кто язык знал сносно, сделали отсутствующие лица.

Хозяйка разругалась с клиенткой, та уехала ни с чем.

Сбившись в кучку у обеденного стола, соискательницы вакансий хватались за сердце: «Какой ужас! Мы – как рабы на рынке! Стоим, нас разглядывают! И почему она сразу нас так опустила: „Вы – третий сорт!“? Это – унижительно!»

Я соорудила шикарный бутерброд с ветчиной и сыром, вытянула из блюда помидорину покраснее и хмыкнула: «Вы все сумасшедшие или притворяетесь? Вам что, обещали, что вы в сказку едете? Было же ещё в Питере сказано: лучший вариант – компаньонка, так себе – сиделка, худший – беби-ситер. И многое зависит от хозяев. Чего припёрлись, а теперь митингуете?»

Смолотив бутерброд, закусила местным яблочком, чуть не захлебнувшись соком. Наши яблоки жуёшь как траву. Из этих льётся вкусный сок. Словно не яблоко кусаешь, а ананас или грейпфрут. Супер! Мне здесь нравится!

Мы получили телефонные карточки и по очереди называли домой.

Ольга сама набирала номера, которые мы диктовали,

и внимательно слушала, о чём мы говорим. Я позвонила дочке: «Привет. Тут такие дела... Как бы тебе сказать... Я в Италии. Буду здесь жить и работать. Вернусь примерно через год». Дочка, помолчав, спросила: «Мам, ты от нас сбежала, что ли?» Я не стала выяснять отношения. Наверное, она могла спросить что-то другое. Но не спросила. Может быть, я застала её врасплох, и она ещё не успела переварить информацию. Лёгкого раздражения, однако, я скрыть не смогла, ответила резковато: «А как ты догадалась?» Дочка, не зацикливаясь на моём тоне, спросила деловито: «Бабушке звонила?» – «Нет!» – «Ты с ума сошла?!» – «Да!!!» – «Мама, бабушке позвони!» – «Не могу. Боюсь. Она ругаться будет. Ты ей позвони» – «Я?! Я должна буду слушать, как она ругается на тебя?!» – «Да! Послушай, пожалуйста, как она ругается на меня. А я ей позвоню, попозже, когда устроюсь на работу. И она уже напереживает и подуспокоится, сможет говорить со мной нормально» – «Хорошо. Хотя, мне это не нравится».

Я нажала отбой и отдала трубку Ольге. Она смотрела, ожидая объяснений. Я кашлянула: «Я сделала родственникам сюрприз. Никто не знает, где я. То есть, не знал. Теперь семья в курсе».

Нарядившаяся Саша после сеанса телефонной связи поднялась в истерике. Ей велели переодеться: грудь прикрыть, ноги не выставлять. Все кинулись к чемоданам.

Я с самого начала надела длинную юбку, льняную, в коричневую клетку, и красную майку. Краситься не стала.

Кровати забросали брюками и футболками, на смену шортам и топикам.

А я валялась и слушала колокола. Каждые пятнадцать минут они отбивали часы и четверти. Звон не раздражал, от него по коже бегали приятные мурашки, а когда колокола смолкали, в воздухе долго-долго висел разнотональный гул. Я считала: «Один, два, три, четыре, пять... десять!» Гул терялся где-то под крышами городка.

Едва переоделись, всех снова свистнули вниз. Красавицы замерли. Я встала с постели и потопала по ступенькам.

Нас оценивающе осмотрела худенькая девушка, затем произнесла на чистом русском: «Синьор, за 60, ищет хозяйку в дом. Намерения самые серьёзные. Синьор работает, у него свой дом и свой бизнес».

Ольга указала на меня: «Поедешь?» Я на автомате вскинула руки, скрестив их на груди (у итальянцев – знак отказа) и, забыв, что передо мной русские, воскликнула: «No! Mai!» (Нет! Никогда!)

Ольга покачала головой и обратилась к Рае: «Ты?» Рая довольно засмеялась: «Да!»

В агентстве нам говорили, что если кто хочет здесь выйти замуж, то устроят без проблем. Надо лишь предупредить. Эта тема обсуждалась по дороге, трое были не прочь устро-

ить своё счастье в Италии, Рая среди них. Но не я.

Девчонки пристали ко мне: Почему я отказалась? Почему предложили мне и Рае, а больше ни на кого не посмотрели?

Я призвала к логике: «Если мужчина изъявил желание взять в дом женщину, вероятно, он объяснил, какой тип его устроит. Мы с Раей почти одного роста, одной комплекции, одного возраста. У нас только причёски разные. Получается, мы подошли к требованиям потенциального жениха. Другое дело, – если Рая ехала сюда с конкретной целью: найти мужчину, получить гражданство и остаться здесь жить, то я даже в мыслях не заикалась о подобном».

Раю увезли. Мои попутчицы снова переоделись.

Через полчаса – аврал! – очередные смотрины. Я опять направилась вниз первой. Потому что я – дисциплинированная.

Мы выстроились перед семейной парой, лет пятидесяти. Хозяйка о чём-то говорила с ними.

Я бочком отодвинулась к окну и любовалась на церковь. Что я здесь делаю? Куда меня могут взять? Я даже сегодня, когда все бормочут, как перед экзаменами, глаголы и прилагательные, пишу длинное-длинное письмо своему любимому. Я выучила два слова: «Ti amo» (Люблю тебя). Ну, и ещё из песенок помню: «Чао, бамбина», «уно моменто» и «бандито-гангстерито». А, ещё «Мама мия» и «Коза ностра», но, как это переводится, понятия не имею.

Моё отрешённое созерцание прервала Ольга: «Наташа! Ты поедешь?»

Дылда рванулась вперёд: «Я поеду!» Хозяйка цыкнула на неё и снова обратилась ко мне: «Ты – поедешь?»

Я очнулась. Интересно, куда и к кому? Ольга шумно вздохнула и повторила для тех, кто не понял, а именно для меня: «Бабуля, после инсульта, но не лежачая; жить с ней вдвоём в отдельном доме; зарплата по минимуму – 500. Дети приходят с визитом по вечерам, минут на 10—20, приносят продукты» – «Я не знаю языка» – «Их это не смущает».

Я моргнула, повернула голову к работодателям: нормальные, вроде, люди.

Ладно. Я согласна.

Синьоры заулыбались: «Si?» – «Si» – «D'accordo. (Договорились) Ciao!» – «Ciao». Ушли.

Помрачневшие приятельницы потянулись наверх. Меня задержала хозяйка: «Знаешь, почему они только о тебе говорили?» -»?» – «Ты порядочная и спокойная. Пока отдыхай. Там сейчас дорабатывает Алла, в воскресенье она улетает. Тебя заберут в четверг вечером, до воскресенья она тебя всему научит».

В комнате девчонки налетели с вопросами: «Ну?! Что тебе сказали? Почему выбрали тебя?» Я ответила: «Им нужна очень спокойная женщина».

Дылда заорала: «Почему они решили, что ты – спокой-

ная?! Я – так вообще спокойная!!!»

Света перебила её: «А я на Наташу с первого дня удивляюсь. Мы всю дорогу переживаем, обсуждаем что-то, дёргаемся, а она спит, ест, в окно смотрит, улыбается, что-то фотографирует, и – заметьте – всё молча! Так что, если критерием выбора было спокойствие, то никого другого выбрать и не могли!»

Девочки нервничали. После каждого смотрин переодевались, меняли бижутерию, подкрашивались и душились. Кто-то плакал. Я с чистой совестью развалилась на койке: у меня впереди три дня отдыха! Да и сегодня уже не о чем беспокоиться, а день только начался.

Почему меня выбрали и во второй раз – не знаю. Я даже не спросила, как называется город, или это деревня, есть ли рядом море. Что с выходными. Мне, – правда – всё равно.

Дылда Инка психовала: «Почему меня не выбирают???» Я успокаивала: «Не дёргайся! Всех устроят, фирме надо отбивать свои деньги!»

Девочки занялись подсчётами, сколько грошей фирма имеет в год. Я сказала, что меня это не интересует. Люди делают свой бизнес. Само собой, заботятся они, в первую очередь, о себе.

В 5 приехала пожилая пара, за женщиной постарше, для работы по дому, помощи синьоре в освоении Интернета и со-

провождении в поездках. Взяли Ларису.

Ольга объяснила, что итальянки очень ревнивы. Лариса была уже пенсионеркой, но глаз у неё горел так, что, подзреваю, без ревности там не обойдётся.

Кстати сказать, итальянцы низкорослы. Мне говорили, что они похожи на грузин. Ничего подобного. Итальянцы сытые, улыбочивые, смуглые и довольно красивые. У них более тонкие черты лица и более безмятежные взгляды, чем у лиц кавказской национальности.

Женщины тоже не отличаются особой статью. Прожаренные на южном солнце, выглядят старше своих лет. При этом, они не озабочены собственной привлекательностью. Им это не надо – все итальянские законы на стороне женщин.

Сразу после Ларисы забрали изнервничавшуюся Сашу. Для неё, самостоятельно нашедшей работу через Интернет и с осени изучавшей язык, всё сложилось замечательно. Её работодательницей оказалась русская, молоденькая топ-модель, с мужем-итальянцем. Модель искала помощницу по хозяйству и собеседницу.

Уходя, Саша закатила глазки и с надрывом произнесла: «У меня в жизни было так много плохого, что я надеюсь, мне, наконец, повезёт!»

Плохого у неё много было, как же. Эта девушка – ещё та штучка. Когда мы ехали, я увидела у неё ноутбук. И до меня дошло, что, если я доберусь до компьютерного клуба, не смо-

гу открыть почту – я перемудрила, сделав паролями русские слова, которые набирала, переключая клавиатуру на английский. Так вот, я попросила у Саши показать клавиатуру ноутбука, чтобы записать свои пароли. Саша стала ломаться и отнекиваться, но всё же раскрыла крышку, на минуту – я едва успела записать один пароль из трёх, как она зачехлила комп.

В Италии Саша намеревается организовать свой бизнес. У неё получится.

Наступал вечер. В шестом часу вызвали Инку. Она вернулась с сообщением, что её берут к двум старикам, на 600 евро, работа круглосуточная, выходной один, старики тяжёлые. Она согласилась.

Ночевать нам предстояло со Светой. Ольга предупредила: после 21—00 электричеством не пользоваться; после 22—00 не пользоваться водопроводом и канализацией. Чтобы в доме была абсолютная тишина.

На ночь закрыли все двери и окна. Не просто закрыли, а снаружи опустили плотные жалюзи, изнутри – ставни, всё на замках. Стало жарко и душно.

Света чуть не зарыдала: «Я же ночью в туалет захочу! Я всю дорогу сходить не могла, у меня живот болит! Что мне, до утра терпеть придётся?» Я сказала: «Забей! Терпеть нельзя! Знаешь, что такое „китайская голодовка“? Китайцы от еды не отказываются, они отказываются справлять

нужду и погибают от интоксикации. Приспичит – иди. Воду не спускай, залей сверху жидким мылом, попрыскай в ванной дезодорантом, унитаз прикрой крышкой» – «А, если тебе отлить понадобится?» – «А биде на что?» Света успокоилась.

Без пяти девять Свету вызвали вниз, нашлась работа и для неё. Утром её отправляли в Мессину, в помощь по дому к пожилой паре. Мессина – это здорово.

Мы выключили лампу, улеглись и разговорились. Света спросила, почему я не поехала к синьору с серьёзными намерениями. Я сказала, что общаться с мужчиной другого менталитета, не зная языка, не готова. И что я ненавижу кашеварить, а мужика надо кормить.

Ночью Свету чистило по страшной силе.

Потом я проснулась от кошмарнейшего сна. Въехав в действительность, поняла, почему Достоевский писал такие ужасные вещи. Учитывая, что в его квартире не имелось канализации, зато под окном была выгребная яма, удивляться нечему. Интоксикация.

Придя в себя от кошмара, плюнула на непонятную осторожность и настезь растворила балкон. Пятый час. Светло. Птицы поют на все лады. Через несколько минут комната наполнилась утренней свежестью, и я уснула.

За завтраком Света поведала мне Сашину историю: из-

балованная мамой-папой дочка привыкла жить на всём готовом. Она без напряжения закончила вуз, ей нашли подходящую работу, но при этом ей казалось, что родители слишком на неё давят. Родители требовали от Саши соответствовать их представлениям о ней, у девушки были свои понятия о собственной жизни. После очередного скандала дочь заявила, что она вполне может обойтись без их денег и контроля. Она нашла работу в другой стране и уехала. Я подумала, что Саша – молодец. В тридцать лет кардинально изменить устоявшийся безбедный быт решится не всякий. Саша решилась. Конечно, у Саши – крепкий тыл, в случае неудачи она всегда может вернуться в родительский дом, но, взбрыкнув, она убежала не к подружке в квартиру напротив, она выбрала другую страну. Деловито так выбрала. Выучила язык, упаковала необходимые вещи, нашла компанию для проезда через границы. Встречаются же умные люди!

Свету увезли к 13-часовому поезду, в Таормину. Я осталась одна.

До вечера четверга жила как в санатории. Кормили три раза в день, на столе не переводились свежие фрукты и клубника. Делать было совершенно нечего.

Днём уходила в город. Разглядывала дома и людей. Потратила все деньги с карточки на телефонные звонки. Звонила домой, звонила любимому. Он обрадовался, спросил: «Ты как там? Всё нормально? Скажи что-нибудь по-итальянски!»

Я сказала: «Ті ато!» и стала рассказывать, как тут красиво и описывать дорожные приключения.

Время на карточке заканчивалось. Я пообещала при первой возможности прислать ему длинное-длинное письмо. Он сказал, что очень ждёт, и чтоб я послала письмо поскорее.

Мне нравилось такое времяпровождение. Нравились тёмно-синие ночи с ярко-жёлтым месяцем, бой часов и пение птиц на рассвете.

В агентстве постоянно тусовались русские женщины. Заходили познакомиться, рассказывали, как им тут живётся. Половина работали в Италии не один год.

Женщины вспоминали, где и как трудились на родине. Одна девушка, Люся, работала на почте в Санкт-Петербурге. Почтальонши не заморачивались доставкой корреспонденции. Они наугад вскрывали письма, читали, обсуждали, а потом рвали и выбрасывали. Это игра такая: кто найдёт письмо поприкольнее.

Бывшая почтальонша выглядела растерянной. Я спросила: «Тебе сколько лет?» – «23» – «Замужем?» – «Нет. Но у меня есть ребёнок. Мальчик. Два годика. Я его оставила у сестры» – «Ты оставила у сестры двухлетнего сынишку и притащилась на Сицилию?! Зачем, бога ради?!» Люся разревелась.

Люсина мать пять лет назад прибыла в это же агентство. (Я подсчитала: $23 - 5 = 18$. Значит, Люсе тогда было 18. Жен-

щины, что вы творите?!)) Люси́на мать хотела невозможно-го: и денег заработать, и устроить личное счастье, и стать гражданкой Италии. Гражданкой Италии она стала. Замуж вышла. Насчёт денег... За пять лет она ни разу не приехала в Россию. Недавно позвонила дочери и сказала, что заболела, что умирает, что у неё есть деньги, и Люся должна приехать к ней, попрощаться, а заодно мама даст ей денег и свои вещи, а также украшения. Люся оставила ребёнка сестре, заняла на срочное оформление документов и на дорогу. Но она опоздала. Мать уже похоронили. Люся поехала к вдовцу. Оказалось, что мать жила (или батрачила?) на ферме. Да, она была замужем. Муж сказал, что ни о каких деньгах и украшениях знать не знает, и вещей у неё не было. И предложил Люсе жить с ним. Последние еврики девушка потратила на такси, сбежав от никогда не виденного отчима в агентство. Домой ей ехать не на что. У сестры денег нет. Да ещё надо будет возвращать долги, и расплатиться с сестрой за то, что присматривает за ребёнком. Люся решила остаться поработать. Сквозь рыдания она подсчитывала, на какое время ей придётся задержаться на Сицилии.

Люся появилась и пропала во вторник. С раннего утра поднялась в комнату, несчастная и растерянная, после обеда её увезли. Ольга сказала, что таких молодых берут в рестораны и гостиницы, но Люся испугалась и согласилась только на компаньонку. Люсю отправили в какую-то семью.

В среду с утра прибежала сияющая Лариса. Она сказала, что у неё выходной. «Как, уже выходной?! Ты же только позавчера на работу устроилась?» – «А это не важно, выходной в среду, вот меня и отпустили!» Лариса сказала, что всем довольна. Она в Питере ходила на курсы итальянского, у неё нет проблем с общением, и, кажется, синьоры ею довольны тоже.

Ближе к вечеру в агентство завалилась целая компания. Женщины шутили, гомонили, сплетничали. Одна вдруг сказала: «Идите все на балкон! Вон, полюбуйтесь на Женечку! Замуж собралась! Гляньте, какого козла отыскала! Это же совсем надо гордости не иметь, чтобы за такого выйти! Что говорить, некоторым всё равно, лишь бы здесь зацепиться!»

Мы высыпали на балкон и уставились вниз. Высокая эффектная девица (да ей бы на подиуме выступать!) усаживалась на мотоцикл позади располневшего седовласого дядьки. Она оглянулась, увидела зрителей, заулыбалась, приветливо помахала рукой. Ей заулыбались и замахали в ответ.

Женечка укатила, крепко обняв за широкую спину своего жениха. Все вернулись в комнату. Незаметной внешности и явно пенсионного возраста женщина, державшаяся особнячком от всех (зашла сюда за посылкой из России), словно извиняясь, тихо сказала: «А что, я тоже здесь оказалась потому, что никаким другим образом свои проблемы решить не могла. Муж давно испарился, дети выросли, квартирка

маленькая. А тут ещё дочка родила, и тоже без мужа. Денег вечно не хватает. Я приехала, чтобы выйти замуж, пока ещё товарный вид не потеряла. В России кому нужны женщины за пятьдесят? Ни мужикам, ни работодателям. А здесь женщины ценятся, замуж всегда возьмут, было бы желание. Я шесть лет на Сицилии, замужем, и давно не работаю. У нас свой дом, сад, машина, денег хватает. Я за последние пять лет всю Европу объехала. А, если говорить про любовь, так кто от неё счастливее стал? Любовь пройдёт, останется ненависть. Те, кто заключают брак на трезвую голову, ценят друг друга намного больше, чем безумно влюблённые. Особенно, со временем».

В среду хозяйка агентства обратилась ко мне по-итальянски. Я промолчала. Она насторожилась: «Наташа, ты язык учишь?» Я, не смутившись, соврала: «Учу!» – «Что-то у тебя плохо получается!» – «Я учу по своей системе» – «Да?» – «Вы не сомневайтесь, я способная!»

Ольга смерила меня критическим взглядом и ухмыльнулась: «Что ж, способная ты наша, готовься – завтра вечером у тебя начнётся другая жизнь!»

Я улеглась спать. Но одна мысль не давала мне покоя: Ольга говорила, чтобы мы заботились о себе сами и берегли своё здоровье. И чтобы не надрывались и не делали ничего лишнего. Да и гадалка говорила, что мне работать нельзя. Как в поговорочке: что бы ни делать, лишь бы ничего не делать...

Ладно. Завтра будет завтра. На месте разберёмся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Русские сказки

«Мой дядя, самых честных правил,

Когда не в шутку занемог,

Он уважать себя заставил

И лучше выдумать не мог.

Его пример – другим наука,

Но, боже мой, какая скука,

Какое низкое коварство —

Полуживого забавлять,

Ему подушки поправлять,

Печально подносить лекарства,

Вздыхать и думать про себя:

«Когда же чёрт возьмёт тебя?!»

Ну, в-общем, где-то так... Думаю, Пушкин на меня не обиделся.

В четверг за мной приехали синьор Джузеппе и синьора Андреа.

Джузеппе раскрыл багажник машины, чтобы уложить мои вещи, непонимающе воззрился на чемоданчик и рюкзачок, которые я легко вынесла одной рукой. Спросил что-то, види-

мо: «Это – всё?» Я мотнула головой, подтверждая, что других вещей не имеется.

По дороге Андреа пыталась со мной разговаривать. Я злилась: «И, чего пристала? Я же по-русски сказала, что итальянского не знаю!» Андреа, впрочем, быстро оставила свои попытки наладить контакт, отвернулась и переключилась на мужа.

Одни раз мы остановились где-то на трассе. Мои работодатели вышли из машины и купили ящик несполи. Андреа протянула мне фрукты, кивая и делая знаки: «Ешь!» Я попробовала. Вкусно!

В седьмом часу вечера меня привезли в городок под названием Сант Мариа. В просторный дом: огромная прихожая, три большие комнаты, кухня-столовая, две душевых, подсобные помещения, терраса с садиком и наглухо запёртый второй этаж.

В садике цвели красные и жёлтые розы. Стены до крыши увивал виноград.

Нас встретила круглая, как колобок, сиделка, тут же набросившаяся на меня с объятьями и поцелуями. Я стерпела.

Хозяева называли женщину Аллой. Мне она призналась, что её зовут Галя. Но по-итальянски «галина» – курица, и все Галины здесь Алины, Аллы и Лины. Галя сказала, что дома детям ни за что об этом не расскажет, потому что тогда её задразнят. А что – правда, смешно. Например, звонит кто-

то и просит: «Potrei parlare con il russo signora Galina!» (Позовите, пожалуйста, русскую синьору Галину!), а итальянцы слышат: «Позовите, пожалуйста, русскую синьору курицу!»

Меня познакомили с престарелой Агатой. Агате 85. У неё было двое детей, но дочь умерла в двадцатилетнем возрасте, не оставив потомства. Зато сын подарил мамочке троих внуков.

В позапрошлом году у Агаты умер муж, после чего она слегла с инсультом. У неё отказали ноги (но стоять, держась за спинку стула или перила она может); нарушилась координация движений рук (ложкой в собственный рот она попадает не с первой попытки); практически пропала речь – её почти беззвучное бормотание не понимают даже родственники. И ещё она часто давится – у неё какие-то проблемы с глотанием.

Агате нанимают сиделок – а чего ж не нанять? – старикам выплачивается приличная пенсия, причём, если один из супругов умирает, второму начисляется пенсия умершего.

Возиться с тяжелобольными – то ещё удовольствие, поэтому итальянцы берут привыкших к трудностям русских женщин и их сестёр из стран бывшего союза и соцлагеря. При этом, семьи материально ничего не теряют – пенсий хватает и на зарплату, и на пропитание родителей и услуги.

Мне выделили самую большую комнату, с мебелью не знаю каких годов прошлого века – из тёмного дере-

ва, украшенную резьбой, с огромной двуспальной кроватью из того же гарнитура, двумя комодами и трюмо. Над постелью – распятие. Хорошо. В детстве над моей кроватью висело распятие.

Молодая чета быстренько распрощалась. Галя стала вводить меня в курс дела.

Итак, мои обязанности:

1. Утром поднять Агату, одеть и усадить в инвалидную коляску.
2. Накормить Агату завтраком: кофе с молоком, в нём – размоченное печенье. Вымыть посуду.
3. Дать Агате таблетки.
4. Подмести полы и обтереть мокрой шваброй.
5. Вытереть пыль.
6. Загрузить бельё в стиральную машину, потом развесить.
7. Приготовить обед и ужин.
8. Уложить Агату на тихий час.
9. Накормить Агату обедом, вымыть посуду.
10. Накормить Агату ужином, вымыть посуду.
11. Вечером, вместе с Агатой, закрыть все окна и двери.
12. Уложить Агату спать.
13. Когда Агата попросит, возить её в туалет.
14. Банный день: вторник, пятница.
15. Рядом с Агатой постоянно должна быть питьевая вода.
16. Спать в одной комнате с Агатой.

Не смотря на то, что глажка белья в списке не значилась, я сразу же решила, что он слишком длинный. Надо подсократить, а заодно и подкорректировать.

Последний пункт был исключён сразу же. Я плохо переношу чьё-либо присутствие. Даже, будучи замужем, предпочитала спать отдельно.

Привычка объясняется просто: я росла одна, без отца и почти не видя матери. Школа с толпой детей, а потом и все работы, где приходилось общаться со множеством народа, сильно меня утомляли.

С детства я завидовала Обломову, но мне не повезло родиться барыней. Моё любимое состояние – статичное, положение – горизонтальное, расположение – на диване. Под настроение я люблю и шумные компании, но лучшая компания для меня – отсутствие любой компании. Я – одиночка.

В пятницу Галя предложила мне поучаствовать в купании старушки. Я напрочь отказалась делать что-либо до воскресенья. Объяснила, что буду внимательно смотреть и запоминать. Галя согласилась, что это разумно.

В пятницу я позавтракала и ушла гулять.

В субботу я позавтракала и ушла гулять.

Галя, одной ногой уже в России, не протестовала. В воскресенье рано утром её увезли в аэропорт.

Дети Агаты просили, чтобы я спала в той же комнате,

что и Агата. Старушка тоже настаивала и всё тыкала пальцем на соседнюю койку. Детям я кивнула, старушке сказала: «Держи карман шире!», и каждый вечер удаляюсь в свои апартаменты.

Чтобы молодые не сомневались в моей искренности, по утрам видоизменяю постель, стоящую напротив Агатиной: мне подушку и комкаю одеяло.

Подозреваю, что ни сын, ни невестка ни за какие коврижки не согласились бы ночевать с мамашей. Во-первых, у неё на тумбочке стоит лампа, и она тысячу раз за ночь щёлкает выключателем. Во-вторых, у неё болят зубы (я так думаю), и Агата во сне часто ноет, громко и долго. Я поначалу пыталась её растолкать и выяснить, в чём дело – бесполезно, она даже не просыпалась. С зубами у неё беда – во рту торчат одни обломки, но вести её к стоматологу бессмысленно – рот раскрывается лишь настолько, что в него еле влезает чайная ложечка. А лечить под общим наркозом в таком состоянии – настоящее убийство.

Когда у Агаты прихватывает зубы, я достаю беруши. А лампу я тупо выдернула из розетки, надоело слушать щёлканье выключателя. Агате сказала: «Всё! Лампа больше не горит! Ты её сломала! Завтра скажу Джузеппе, чтобы починил!» (Никому ничего говорить не стала). На тот случай, если старушка боится темноты, – в длинном коридоре ночью горят настенные светильники.

Я поднимаюсь раньше старушки и завтракаю первой. Молоко и печенье, или булочки, или белый хлеб, очень вкусный. Нам приносят только белый, и это здорово, потому что чёрный я не ем. Затем – обязательное мороженое.

Пару дней я приспособливалась к Агате и её инвалидной коляске. Галины показы меня не удовлетворили. Она всё делала с натугой, много суетилась. Она покаялась, что два раза роняла старушку на пол. Но Галя ниже меня, упитаннее и неповоротливее. Скоро я изобрела свой способ поднимать-сажать-укладывать Агату.

В понедельник Андреа позвала меня в душевую и объяснила, что мыться надо экономно. Я сказала: «No capito!» (Не поняла!) Она повторила. Я повторила: «No capito!»

Андреа прикрыла дверь и наглядно продемонстрировала, как берёт одноразовую, уже пропитанную мыльным раствором, мочалку-варежку, макает её в маленький тазик и намыливает тело, а только затем смывается душем.

После этого она, довольная собой, спросила, поняла ли я её. Я сделала глупейшую морду, разулыбалась от уха до уха: «No capito!» Синьора, раздосадовавшись, ушла на кухню.

Да знаю я всё про вашу экономию с горячей водой!

При мне в агентство приходила женщина, еле продержавшаяся на первом месте один месяц – ей вообще запретили пользоваться душем. Для личной гигиены дали кастрюльку, в которой раз в день разрешали нагревать воду.

Но я не вижу смысла экономить на себе, когда старушка переводит воду тоннами. У неё есть развлечение: она брызгается в раковине, самостоятельно включая кран.

Агате придётся поступиться этой маленькой радостью. И вот именно она теперь будет принимать душ по-итальянски.

Галя показывала совсем другое. Агату усаживала на стул и включала душ так сильно, словно хотела утопить старую синьору.

Итак, с душем проблем нет, и это радует. Ещё радует то, что в доме два туалета, то есть – два совмещённых санузла. В один я вожу Агату, другим пользуюсь сама.

Короче, я поделила дом на две части: свою и Агатину. Агата достаточно спокойна и абсолютно неразговорчива, поэтому я стараюсь пересекаться с ней лишь в случае крайней необходимости.

Так же, в свою пользу, решила вопрос со стиркой. Галя стирала свои вещи вместе с Агатиными. Но она была до такой степени небрежной, что даже допивала через соломинку специальные коктейли с какао, которые для больной покупают в местной аптеке целыми упаковками.

Мне, конечно же, было интересно, какой вкус у этих коктейлей. Я открыла одну бутылочку и всю выдула. Ерунда какая-то, нечто густое и сладкое.

Стираю так: сначала в машине крутится бельё Агаты. По-

том засыпаю в пустой барабан порошок, наливаю кондиционер, устанавливаю температуру и режим стирки на максимум и нажимаю «пуск». После такой нехитрой санобработки загружаю свои вещи.

Одежду Агаты развешиваю на верёвках под крышей террасы, свою – на складной сушилке, которую нашла в прихожей и отмыла от пыли.

Галя кормила Агату с ложечки. У меня старушка ест сама. Но, на всякий случай, на столе лежит вторая ложка. Если кто-то приходит в такое время, я быстро сажусь к синьоре и командую: «*Aprire la bocca!*» (Открой рот!), хвалю: «*Brava! Bene!*» (Молодец! Хорошо!) Потом кладу ложку возле тарелки: «*Ora mangio da solo!*» (Теперь ешь сама!) и начинаю общаться с гостями.

Я – не чудовище, старушка вполне справляется с этими нехитрыми действиями. Единственная обида появляется на её лице, когда ей приходится есть мороженое. Мороженое тает, она расстраивается. Я, конечно, могла бы кормить её хотя бы мороженым, но, не дай бог, у неё случится ангина. Зачем старушке, которая давится даже чаем, больное горло?

А со временем я научила Агату есть руками. Другого выхода не было.

Очень быстро сделав вывод, что нет никакой разницы, кормлю ли я старую синьору, или она ест сама – большая часть еды, всё равно, вываливается через корзубый рот, я за-

думалась: «Как быть, и что делать?»

Про себя я стала звать синьору «Бабушка дырявый рот», но это был не чёрный, а горький юмор. Старушка вызывала острую жалость: невыносимо было смотреть, как она вздрагивает, нечаянно смахивая на пол лакомые кусочки.

Жалость – для меня лично – резко отрицательная эмоция. Я считаю, что, если человек испытывает это чувство, значит, что-то не так, и это надо исправить.

Я понаблюдала, как дети нарезают маме фрукты – большими кусками (для больной старухи – большими), да ещё дают ей вилку, и Агата ловит вилкой кругляши бананов, и роняет их, и печально-затравленно перегибаясь с кресла, выскивает взглядом упавшую еду, до которой не может дотянуться.

Да и уехавшая в Россию Галя кормила подопечную оригинально: сыпля проклятиями, втискивала ей между зубов ложку с едой, а, когда старушка начинала кашлять и махать руками, делала вывод: «Ну, вот мы и пообедали!» На этом трапеза заканчивалась.

Как-то я нарезала моцареллу на мелкие-мелкие, буквально пятимиллиметровые, кубики. Поставила одну тарелочку перед Агатой, вторую – перед собой и сказала: «Агата, ешь руками!»

Агата внимательно-презрительно оглядела меня, затем сложила руки перед собой и чем-то напомнила мне англий-

скую королеву на официальном приёме.

Я пережила её презрение и повторила: «Ешь руками! Это – удобно!» и стала есть сыр, причмокивая от удовольствия. Старушкино лицо не изменилось.

Я взяла грушу. Отрезала кусочек, отправила в рот и закашлялась. Тогда я порубала грушу, словно собиралась добавить её в оливье, и стала есть руками.

Старушка разглядывала меня всё с тем же презрением.

Я разозлилась, убрала в ящик все вилки и ложки и ушла, оставив синьору презирать сыр.

Через несколько минут Агата позвала меня. Я заглянула на кухню: сыр исчез, а синьора показывала мне испачканные руки.

Я обрадовалась: «Умница! Видишь, как быстро всё съела, и ничего не уронила! А руки будешь мыть, как в японском ресторане!» Я намочила полотенце, вытерла ей руки и положила полотенце в зоне её досягаемости.

С того дня Агата ела руками всё, что не проливалось. Я, щадя её самолюбие, всегда клала рядом с тарелкой ложку, и синьора время от времени ею пользовалась, но быстро оставляла это занятие и брала тонкими пальчиками, с длинной формы красивыми ногтями, и фрукты, и мясо, и рыбу, и колбасу, и даже лазанью и салаты.

Но, в присутствии своих детей или гостей, старая синьора ни разу не потянулась к тарелке рукой.

Итак, Агата ест, я, обложившись тетрадами, валяюсь на койке и бубню итальянские слова. И вдруг начинаю рыдать.

Со мной это стало часто повторяться: р-раз! и в слёзы. Нас в агентстве предупреждали, что первые пару месяцев всем хочется сбежать. Зато через полгода всем хочется остаться здесь навсегда. Что ж, надо перетерпеть.

Странное дело, между прочим. Реветь я начинаю именно во время занятий. Когда посуду мою или загораю, когда люблюсь на волшебную ночь или сплю – никаких страданий не наблюдается. Может, я не хочу учиться? А надо! Я же собираюсь поменять работу. Без языка нечего мечтать о чём-то другом.

Ну вот, отдышусь, объясню себе, что к чему, и зубрю дальше.

Avventure – авантюра, приключение, Avventore – покупатель.

Или: Ambulanza – машина скорой помощи, Ambulante – бродячий.

Или: Amare – любить, Amaro – горький.

Но это ещё ничего. Как вам такое: Intelligente – умный, Intellettuale интеллигент.

А вот это: lavoro – работа, lavorare – работать. Как, по-вашему, будет «рабочие»? – maestranze!

Вот, как тут не заплакать?!

Так потихоньку (а куда торопиться?) учу язык, кормлю птичек в саду, шугаю нахальную одноглазую кошку, совершенно бандитского вида и такой расцветки, словно на неё одновременно вылили краску из нескольких банок. На улице лето: птички, мышки, ящерицы – лови и ешь, хищница ты или кто?

Ящериц много, они забегают в дом и деловито скользят по полу, не особо боясь людей. Ящерицы красивые, но сфотографировать их не удаётся. Правда, одну я сфотографировала. Шла ночью на кухню (забыла взять стакан с водой в спальню) и увидела на стене замершую ящерку. Я сбегала за фотоаппаратом и щёлкнула её. Ящерица юркнула в плафон светильника. Я посмотрела на снимок – рептилия оказалась бледнее призрака. Ночная домашняя тварь?

Как-то вечером вышла на кухню, а по ней бежит такой жук, что мысленно я взвизгнула и запрыгнула на стул, а в реальности схватила швабру, чтобы задавить страшилище. Видели кукарачу? Вот такое что-то бежало по полу. Если утром, когда я полезу под душ, ЭТО метнётся мне под ноги или свалится на голову, агентству придётся меня нелегально хоронить.

После завтрака Агата просится в постель. Меня это не устраивает. В 9 – подъём, в 10 – отбой? Я говорю: «No!», она – «Si!» – «No!» – «Si!» – «No! A fuori!» (Нет! На воз-

дух!) – объявляю я. Синьора протестует, но что она может поделаться против меня? Побеждает грубая сила.

Когда укладываю Агату на тихий час, она пытается что-то сказать, но я могу разобрать лишь «Adesso!» (Сейчас!) Я злюсь: «Одесса – мама, Ростов – папа, без тебя знаю! Сколько раз повторять: Studio italiano, Ma non parla bene! Parli uno parola! Uno parola, capisci? Che cosa vuole? La cucina? Il bagno? No? Io non capisco!» (Учу итальянский, но не говорю хорошо! Скажи одно слово! Одно слово, понимаешь? Что вы хотите? Кухня? Туалет? Нет? Я не понимаю!)

Старушка шизеет от моего итальянского и затихает. Я ве-лю ей «giposarsi» (отдыхать) и ухожу.

Я подсчитала: вся работа – сюда входят и дела по дому, и возня с бабулей – занимает не больше трёх часов в день. Опять же, дела эти несложные и необременительные. А работа как раз адекватна моим силам и неистребимой лени.

Иногда я напеваю что-нибудь из репертуара Руслановой: «Степь да степь кругом», «Окрасился месяц багрянцем», «Когда б имел золотые горы», «По диким степям Забайка-ля». Агата слушает внимательно. Я говорю, что это – печальные русские песни, о любви и разлуке, о смерти. Синьора плачет.

Тогда, чтобы развеселить её и себя, я вырезаю из бумаги силуэты людей и зверей и рассказываю сказки: делаю большие глаза, жестикулирую, меняю голос, подражаю живот-

ным. Агата вряд ли что понимает, кроме того, что я рассказываю ей весёлую русскую сказку. Она беззвучно смеётся. Я тоже смеюсь: очень смешная русская сказка «Курочка Ряба». «Колобок», «Репка» и «Три медведя» ей тоже нравятся.

Несколько раз ловила себя на том, что говорю с Агатой по-немецки. В немецком я – такой же чайник, как и в компьютере. Но, по сравнению со знанием итальянского, чайник несколько продвинутый. Я люблю себе всё объяснять. Я задумалась: почему из памяти лезет deutsch? Кажется, поняла: здесь все говорят не по-русски. Мозг усвоил это сразу. Говорить по-русски с синьорами бесполезно. Надо говорить по-иностранному. А из иностранного кое-как я могу изъясниться лишь на немецком. Правда, почти сразу я заметила, что мою подопечную это пугает. Пришлось следить за речью и одёргивать себя. Кто её знает, какие ассоциации возникают у синьоры в связи с моими фразами «Einen Moment! Ich bin jetzt!», «Heute Nacht! Schlaf!» или «Heck, verstehe ich nicht Sie!» В конце концов, Италия участвовала во второй мировой войне. Сначала в союзе с Германией, а потом – с америкосами. Я же не знаю, где и как жила Агата в те годы. Моя мама, например, была в партизанах.

Ну, и ещё с Агатой можно говорить как с дитятей. Вот она разлила воду, вот опрокинула тарелку с супом, вот, пытаясь поднять упавший журнал, так наклонилась в коляске,

что чуть не упала. Ругать её как-то неудобно, да и за что? Я делаю строгое лицо, грожу пальцем: «Агата! Ай-я-яй!!!» Агата «Ай-я-яй» поняла и запомнила. Как-то я приготовила ей завтрак, а сама ушла на террасу. Разговариваю по телефону, слышу: Агата захныкала. Заглядываю на кухню: на столе лужа из молока, а старушка смотрит виновато и скулит: «Ай-я-яй, Атася! Ай-я-яй!...» (Атася – это я. Наташа – ей не выговорить).

Глядя на Агату, не хочу дожить до старости. Нет, не так: хочу не дойти до такого состояния. За что природа так обходится с женщинами?

Судя по фотографиям, когда-то синьора была статной красавицей, гордой, ухоженной и довольной жизнью.

И, что теперь? Старушка осыпается пылью, превращаясь в прах. Каждое утро я меняю бельё на её постели, а потом подметаю пол, и у кровати набирается горстка пыли, похожей на пепел. Каждое утро меня передёргивает, когда я смахиваю эту пыль в совок и выношу в мусор.

А ещё, то там, то сям, мелкими кусочками отслаивается кожа. Кусочки рыбьей чешуёй остаются на простыни. Даже не рыбьей, а змеиной.

Когда-то мы с Танькой ходили на выставку рептилий. Подруга моя сама не своя до них. Поддавшись её восторгам, два парня вытащили из аквариума огромного питона. Танька обнимала его, мокрого от воды, и даже целовала в морду.

Я задыхалась от ужаса, но ради неё совершила подвиг. Меня усадили на стул, змеюку уложили на мою шею, Танька защёлкала фотоаппаратом. Я скулила, отодвигая настырное чудище подальше от лица, а все смеялись.

Когда я умолила сжалиться и снять с меня тяжеленного гада, оказалось, что он несколько раз обвил мою левую ногу. Его потащили, я поскакала сзади. Парни еле освободили меня. Я уже рыдала. Танька радовалась как дитя.

За всё это нам подарили кусок шкуры, похожий на гольф. Я разрежала его вдоль и поперёк, Танька выбрала себе понравившийся кусок (это – самая правильная делёжка пополам, когда делит один, а выбирает другой).

Свой сувенир я подравняла по краям и вставила в рамочку. Обрезки засунула в коробочку от фотоплёнки и кинула в рюкзак. Я в рюкзаке таскаю много чего, зачем-то. Недавно обнаружила, что коробочка раскрылась, и шкура рассыпалась на чешуйки.

И вот я убираю за Агатой её прах и думаю, что если бы я была врачом, я практиковала бы эвтаназию. Ну, зачем так жить?

Вот Агата – она что, рада каждому дню? У неё интеллект двухлетнего ребёнка, и она продолжает деградировать.

Моя бабушка, когда дошла до такого состояния, не стала дожидаться своей остановки и вышла на ходу.

Когда я начну стареть, я поселюсь на краю света, где меня никто не увидит и умру так, что об этом никто не узнает.

И я вспоминаю случаи, когда старики уходили из жизни так, как хотела бы уйти я. На даче у нас был случай: пожилая женщина с утра по дому управилась, пошла в огород, у калитки присела и умерла. Или у моей знакомой мама пришла с рынка, легла и не встала.

А однажды я видела старуху, умершую на пороге супермаркета. Было раннее утро, лил дождь. Она лежала на ступенях, рядом испуганно жались два подростка – они вызвали скорую.

А я смотрела на старуху и завидовала. Выглядела она приятно даже: седая, в светленьком платье, с очень спокойным лицом, – красивым лицом, я сказала бы. Её рот приоткрылся на последнем вдохе, и теперь в него вливался тёплый летний дождь.

Разве плохо умереть вот так – пойти в магазин и уйти навсегда?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Катания на выходной

il primo giorno libero (первый выходной)

Галя объясняла, что автобусные билеты продаются в табачной лавке.

Если бы Галя работала учительницей, все её ученики были бы тупые и ещё тупее. Объяснять она совершенно не умеет. Из того, что она мне говорила: где почта, где остановка, где парки со смотровыми площадками, где тот же табачный киоск, – я не поняла ничего.

Я позвонила хозяйке агентства и попросила телефон хоть какой-то русской, работающей в Катании.

Ольга сказала, что Катания кишмя кишит нашими гастарбайтершами, и что я там сразу найду себе компанию. Телефон не дала.

Полночи я прокрутилась, пытаюсь решить проблему: как найти русских в большом итальянском городе?

Додумалась вот до чего: разделила пополам альбомный лист, на каждой стороне с обеих сторон написала: «РОС-

СИЯ! Русские, АУ!» и решила, что в Катании прицеплю эти плакатики на брелоки по бокам рюкзака. Авось, кто-нибудь откликнется.

Затем пересчитала наличные, оставшиеся после дороги. Мы ехали долго. Я не разбрасывалась, но денежки таяли. У меня осталось 20 евро. Получка через месяц. Впереди – пять выходных. Получается, я могу себе ни в чём не отказывать на 4 евро в неделю.

В 10 утра начался мой первый, после 5-дневной дороги, недели отдыха и трёх рабочих дней, *giornata libera*, в переводе с итальянского – свободный день (или – день свободы?).

Синьор Джузеппе отпустил меня до 7 вечера (а, может, до 6? – я что-то не разобралась).

Я положила в рюкзак бутылку питьевой воды, пачку печенья, яблоко и купальник и бодрячком выкатилась на улицу. На ближайшей площади, в табачной лавке с горем пополам объяснилась с продавцом и за 2,5 евро купила билет туда-обратно. Галя говорила, что так дешевле.

На площади подошла к двум мужчинам, с вопросом, где остановка автобуса до Катании. Мужчины оживились, замали руками. Я улыбнулась вежливо: «No capisco». Один отвёл меня на остановку, сказал, что автобус №277 (*numero due-sette-sette*), оранжевого цвета (*oranciona*) – потыкал в афишу с оранжевым фоном, придёт в 10—40 (показал на часы) и поинтересовался, есть ли у меня билет. Я кивну-

ла, он обрадовался.

Пассажиры, входя в автобус, компостировали билеты через одного. Я не стала доставать свой – кто их знает, какие тут порядки?

Вообще-то, со смотровых площадок Сант Мариа Катанию видно, как от нашего Питерского квартала – Озерки. За час можно было бы, не торопясь, дойти пешком. Но здесь – горы. Дороги выются между домов так, что придётся ездить. За полчаса в голове всё перепуталось: автобус делал крутые повороты, катил то вверх, то вниз, крутился между садов и утопающих в цветах имений, а я, стиснув зубы, молилась, чтобы меня не стошнило.

На станции в Катании огляделась в поисках ориентиров. Ориентиры сразу нашлись: над городом возвышалась тёмно-синяя Этна, внизу виднелся порт. Вот и чудненько.

Перешла проспект, уселась в сквере, попила воды, закусила яблоком.

Приладила к рюкзаку приготовленные плакаты и, решив, что теперь готова, смело направилась вниз, к морю.

Шла небыстро, стараясь запомнить дорогу. Заблудиться сложно, город построен по диагонали, но узкие улочки с толпами народа походили на муравейник. Не буду же я весь день ходить по одной улице!

Дорожное движение сбивало с толку. Светофоров мало,

пешеходы двигались как угодно, игнорируя зебры и не обращая внимания на транспорт.

Водители пережидали, часто тормозили сами и делали знак рукой – проходи! Там, где светофоров не было, автомобили и мотоциклы ехали по принципу наглости, перекрывая друг другу проезд. Сигналили, переругивались, и как-то умудрялись разъезжаться.

Я недолго пыталась быть воспитанной, проникшись общим пофигизмом, шла, где и как лично мне удобно.

Через час добралась до моря. Здесь меня ждало разочарование. Море оказалось за ограждением, за железнодорожными путями. Слева – вокзал.

Я загрустила, любуясь водной гладью: слева – ярко-синей, в порту – невозможно-бирюзовой. Сфотографировала очередную площадь с очередным памятником и двинулась к вокзалу.

Перед вокзалом большой фонтан изображал какую-то легенду: кони и люди утопали в бьющих во все стороны струях. Я призадумалась ненадолго, разглядывая скульптуры. Что бы это могло быть? Аппетитную тётку схватил мощный мужик. Пленница, вроде не вырывалась, но всей позой изображала отчаянное смятение. Кто Это? Европа? Не может быть, потому как здесь делать ей нечего. И быка среди скульптур нет, одни кони. Обойдя вокруг, поняла: это же – похищение Прозерпины! Очень красиво!

На газонах, среди разбросанных вещей, спали негры.

За фонтаном – вокзал. Перед рельсами – старенький паровоз. В мозгу колыхнулось какое-то воспоминание и тут же угасло.

Я вернулась в город. Ладно, даже если искупаться не удастся, хотя бы ознакомлюсь с достопримечательностями.

Шла, шла и вышла на ещё одну площадь, с памятником Беллини, дворцами и Макдональдсом. Ура! Бесплатный туалет!

От Макдональдса повернула на проспект, с обеих сторон которого, в старинных, высоких, богато украшенных зданиях сверкали витринами дорогие магазины.

Здесь меня кто-то окликнул: «*Russa! Russa?*» Я оглянулась. Мне улыбнулся щуплый мужчинка средних лет и среднего роста. На туриста не похож. Я ответила: «*Russa*» – «*Prima volta a Catania?*» (Первый раз в Катании?) – «*Prima*» – «*Bella?*» – «*Belissimo*». Что дальше?

Незнакомец представился: «*Sebastiano*» – «*Molto piacere*» (Очень приятно). Наташа» – «*Parla italiano?*» – «*No. Studio italiano, ma non parla bene*».

Себастьяно оказался школьным психологом и учителем социологии, заядлым путешественником и полиглотом. Порусски говорил вполне прилично. Сказал, что был в Прибалтике, Польше, России, Белоруссии, Финляндии, Швеции,

Франции и Германии. Я похвасталась почти тем же набором. Учитель взялся показать мне город. Я согласилась.

Он повёл меня по историческому центру, выполняя функции гида: «Посмотрите направо... посмотрите налево...» Я не пыталась запоминать. Есть провожатый, и спасибо. О том, что мне покажется более интересным, потом в интернете читаю.

На ближайшей площади на мостовой был выложен слон. Я обомлела: «Слон!» Себастьяно не понял. «Elefante!» – «A! Si! Elefante!» и потащил меня вперёд, как оказалось, на главную площадь, гордость Катании – Piazza del Duomo (Соборная площадь), посреди которой стоял фонтан со слоном: la Fontana dell'Elefante al centro della piazza del Duomo di Catania (фонтан Слон в центре Соборной площади Катании).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.